

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.1/2

А. И. Сильченко

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ, И ИХ МАРКИРОВКА ОСНОВООБРАЗУЮЩИМИ ФОРМАНТАМИ

Статья посвящена анализу метеорологической лексики готского языка. Некоторые слова, обозначающие метеорологические явления, содержат консонантные основообразующие форманты, которые в праиндоевропейском маркировали активные/одушевленные имена. Многие слова этой лексико-семантической группы уже перешли в гласное склонение, что связано с изменением отношения к окружающему миру и потерей одушевленной семантики. Несмотря на это, этимологический, морфологический и лексико-семантический анализ позволяет доказать, что метеорологические явления в прошлом относились к активному классу и воспринимались древними индоевропейцами как одушевленные.

Ключевые слова: метеорологические явления, основообразующие форманты, лексико-семантическая сочетаемость, активность/одушевленность, древние германцы.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать, с помощью каких основообразующих суффиксов оформлялись слова, относящиеся к метеорологическим явлениям в готском языке, проследить их сочетаемость с глаголом и подтвердить предположение о том, что реликты языческих представлений по отношению к природе, т. е. ее одушевление и персонификация, еще сохраняются в тексте. Это можно наблюдать прежде всего на морфологическом и синтаксическом уровнях, поскольку они являются наиболее консервативными и отражают нормы пережиточного состояния [1, с. 69–70, 172, 191].

Материалом для статьи послужил текст Библии на готском языке. В публикации мы будем также привлекать словарные данные и использовать мифологические, этнографические и исторические сведения, которые позволяют подтвердить лингвистический материал и дать более полную информацию о той или иной реалии. Следует отметить, что сведения готского для нас особенно важны, поскольку он является одним из самых древних германских языков.

Метеорологическая лексика отражает жизненно важные реалии действительности, так как от погодных и климатических условий во многом зависела и зависит повседневная жизнь людей, каким бы видом хозяйства они ни занимались.

У древних индоевропейских народов мироощущение, быт, хозяйственная деятельность напрямую были связаны с разнообразными погодными и природными явлениями. Значительный круг метеорологических реалий и понятий в представлении древнего человека наделяется человеческими качествами. Древними индоевропейцами были одухотворены ветер, гром, дождь, солнце, луна, звезды.

Человеческие намерения и переживания уподоблялись явлениям природы, т. е. явления природы очеловечивались. В первобытном обществе при низком уровне развития производства и знаний человек сильно зависел от природы, многое было ему в ней непонятно [2, с. 130].

Человек любил природу и боялся ее, с напряженным вниманием следил за ее знаменами, от которых зависели его житейские нужды. Первые наблюдения человека принадлежали миру физическому, к которому в результате этого тяготели и его религиозные верования. Человек относился к природе как к живому существу. Иной образ мышления, который мог бы указать ему в природе те бездушные стихии, какие мы видим в ней, был невозможен, поскольку он требует языка, который не властвует над фантазией. Но такой язык создается медленными усилиями развития цивилизации; в ту далекую эпоху любое слово отличалось материальным, живописующим характером. В нашей речи и сейчас используются выражения: солнце восходит или садится, буря воеет, ветер свистит, гром ударяет; до сих пор мы говорим о силах природы, как о чем-то свободно действующем, и только благодаря современным научным сведениям не придаем этим старинным, привычным выражениям буквального смысла [3, с. 31–32].

Как уже было сказано выше, древние индоевропейцы одушевляли и персонифицировали многие явления природы. Такое отношение к окружающему миру нашло свое отражение в языке, поскольку «слово запечатлевает в своих первоначальных выражениях весь внутренний мир человека», в слове заключается его внутренняя история, взгляд на самого себя и на природу [3, с. 5–10].

В праиндоевропейском существовала двучленная классификация имен в зависимости от «активного» или «пассивного», «одушевленного» или «неодушевленного» характера обозначавшихся ими предметов и явлений. В типологическом плане оппозиция одушевленный/неодушевленный в именных категориях свойственна многим языкам. В индоевропейских языках она появилась раньше деления имен по родам [4, с. 345–346; 5, с. 59–65; 6, с. 55 и др.]. Некоторые авторы считают, что бинарной оппозиции активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») предшествовала языковая структура, которая обладала более конкретной и более дробной классификацией субстантивов. Классификация эта, вероятно, напоминала классификации, существующие сейчас в ряде неиндоевропейских языков, например в языках банту или в некоторых северокавказских языках. В их основе лежит дифференциация всех предметов окружающего мира на группы по определенным признакам в зависимости от места, занимаемого ими в процессе деятельности человека и познания им окружающей действительности [6, с. 67; 1, с. 267–270].

Эволюция многоклассного противопоставления существительных в бинарную оппозицию активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») классов была засвидетельствована в истории целого ряда языков [1, с. 270]. В некоторых языках банту наблюдается тенденция к группировке существительных в эти два класса, что связано с разрушением классов и исчезновением их четкого семантического деления. Например, в языке лингала можно видеть противопоставление по признаку одушевленности/неодушевленности I–II классов существительным III–IV классов. К первым двум классам относятся имена, обозначающие лиц, а также предметы, одухотворенные человеком; к третьему классу принадлежат абстрактные понятия, к четвертому – конкретные предметы [7, с. 35].

На древних стадиях появление двучленной классификации представляет собой важный этап в развитии сознания, находящий свое непосредственное отражение в языке. Он знаменует собой прогресс в выделении человеческой личности из того состояния, которое характеризовалось, по словам Маркса, «тождеством природы и человека», когда природа и человек не воспринимались расчлененно [6, с. 68].

Согласно гипотезе Г. А. Климова, развитию номинативного строя индоевропейской речи предшествовал тип языкового строя, который он назвал «активным». Дихотомия активного и инактивного начал наложила, как полагают, определенный отпечаток на обычаи, мифологию, искусство и фоль-

клор их носителей. Принципы активного строя – одно из наиболее очевидных проявлений того, как внешний мир определяет характер языковой структуры через сферу сознания [1, с. 167–168].

В активном строе наблюдается бинарное распределение всех имен существительных на класс активных и инактивных, отражающее по своему составу различие по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности, жизненного цикла. Лексическое противопоставление в структуре самих имен не получает специального формального выражения. Однако это очень отчетливо отражается как в синтаксической, так и в морфологической структуре активных языков. Например, синтаксическая сочетаемость активного глагола сказуемого с подлежащим только активного класса [1, с. 83–86].

К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие животных, растения, деревья, т. е. имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам инактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла [8, с. 273, 310]. Р. ле Грассери предполагал, что при общении человека с природой его внимание было обращено на признак подвижности, в соответствии с которым одушевленным должно было противопоставляться все то, что способно передвигаться, и, напротив, неодушевленным – то, что не обнаруживает движения (цит. по [1, с. 267]). А. Мейе характеризует имена, относящиеся к одушевленному классу, следующим образом: «В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым попадает под понятие «одушевленного». К одушевленному роду он относил, например, имена, обозначающие активные силы природы [4, с. 345–346].

По мнению О. А. Осиповой, маркированным членом оппозиции одушевленность/неодушевленность выступали консонантные основообразующие форманты, которые противопоставлялись немаркированным, неодушевленным именам [9, с. 21, 38; 10, с. 15], поскольку склонения на гласные более позднего происхождения [11, с. 22–23; 12, с. 79, 353]. Естественно предположить, что группировка существительных в склонения на консонантные и гласные основы могла быть отражением перестройки классного деления существительных по признаку одушевленности/неодушевленности [9, с. 21]. Различие основообразующих суффиксов является отражением древней именной классификации, характеризовавшей индоевропейские языки в период, предшествовавший оформлению системы склонения [6, с. 58].

Основообразующие форманты широко представлены в древнегерманских языках, их употре-

бление было унаследовано от общегерманского языка, который существовал как единый диалект [10, с. 15].

Отнесение древнегерманских слов, обозначающих силы природы, к основам на консонанты, т. е. к активному, одушевленному классу, можно объяснить на основе материалов, связанных с культурой и мировосприятием, раскрывающих жизнь древних германцев. У них доминировала небольшая группа божеств. Многие древнегерманские племена поклонялись космическим силам и метеорологическим явлениям [13, с. 89–90, 126].

Метеорологическая лексика довольно скудно представлена в Библии. Тем не менее по тем словам, которые употребляются в тексте, можно видеть, что следы языческих верований, которые заключаются в обожествлении метеорологических объектов и явлений, все еще сохраняются. Древние германцы даже в V в. н. э. все еще оставались язычниками, хотя часть племен, которые находились в контакте с готами, уже стала воспринимать христианство [14, с. 40]. Но, несмотря на постепенное приобщение германцев к христианству, они в то же время продолжали почитать своих языческих богов, особенно Одина [15, с. 185–186]. Таким образом, как для германцев, так и для других народов было характерно одушевление природы, ее персонификация.

Перейдем непосредственно к рассмотрению слов, относящихся к метеорологическим явлениям в готском языке. Мы проанализировали наиболее употребительные слова метеорологической лексики готского языка, которые чаще всего фигурируют в текстах и словарях.

Отобранные нами лексемы можно разделить на три группы по тем основообразующим суффиксам, которыми они оформлены.

К первой группе относятся слова, обозначающие метеорологические явления, которые имеют консонантные основообразующие форманты, в частности формант -n: *heito* «жар, лихорадка», *milhma* «облако» и *þeihwō* «гром» (3 лексемы).

Готское *heito* «жар, лихорадка» имеет соответствия в разных германских языках: др.-англ. *hætu/hæto* «жара», др.-фриз. *hēte*, ср.-гол. *hēte*, др.-в.-нем. *heizl* «жара» восходят к прагерманской форме *χaitaz «жаркий». Формы с другими степенями аблаута: др.-сакс. *hittia* (гол. *hitte*), др.-в.-нем. *hizza*, ср.-в.-нем. *hitze*, др.-исл. *hiti* «жара»; сюда же относится гот. *heito* со значением «жар, лихорадка» [16, с. 433; 17, с. 519]. Это формы от индоевропейского корня **kāi-*, *kī «жара» с расширением -d- [18, с. 188; 19, с. 181; 17, с. 519]. По происхождению слово *heito* «жар, лихорадка» представляет собой германское образование от и.-е. корня **kāi-*, *kī «жара».

В готском языке слово *heito* – существительное женского рода с основой на -n [19, с. 181]. В тексте оно употребляется только со значением «жар, лихорадка» и с глаголом активного действия *aufletan* «покидать, оставлять», свойственного обычным живым существам. Приведем пример из Библии: Mat 8:15 CA «*jah attaitok handau izos jah aflaglot ija so heito; jah urrais jah andbahtida imam*» – «И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила ему» [20].

Готское *milhma* относится к склонению на -n мужского рода и имеет значение «облако». По мнению Лемана, в германских языках гот. *milhma* «облако» имеет возможные родственные слова только в норвежском *molin* и в шведском *moln* «облако»; они представляют собой диалектную замену и.-е. **nebh-* «влажный, вода, туман, облако». Предполагается родство с лит. *milšti(s)* «собираться (о буре)», латышск. *milzt* «становиться темным или туманным»; рус. *molost* «гроза, непогода»; вероятно также лит. *miqlà*, ст.-слав. *тъгла* «туман», которые восходят к и.-е. корню **meugh-* «облако» как санскр. *meghás*, авест. *maēya* – «облако»; арм. *mēg* «туман», др.-исл. *mistr*, др.-англ. *mist* (прагерм. форма *mihstaz) [19, с. 255]. Эти слова возводятся к и.-е. корню **smelk-*, **melk-* «ходить, бродить, тянуться, пролегать» [21, с. 106], «влажный, влажность» [17, с. 724].

В тексте данное слово употребляется с активным глаголом: Mrk 9:7 CA «*jah warþ milhma ufar-skadwands im, jah qam stibna us þamma milhmin: sa ist sunus meins sa liuba, þamma hausjaip*» – «и стало облако накрывать их тенью, и вышел голос из этого облака: это есть сын мой любимый, слушайте его» [20]. Здесь можно наблюдать становление времени группы Continuous, в котором, как известно, употребляются только глаголы, выражающие действие, процесс, а следовательно, и активность.

Слово *þeihwō* «гром» в готском относится к существительным с основами на -n женского рода. Оно возводится к и.-е. основе *tēŋkʷā и соответствует: ст.-слав. *тача* (и.-е. основа *toŋkʷā) «проливной дождь», рус. *туча* «грозовая туча, дождевое облако, туча» [18, с. 374; 21, с. 146]. Это слово в готском имеет родственный глагол *þeihan* «урождаться, уродиться» и существительное *þeihs* «время» [18, с. 374, 373]. Эти формы восходят к и.-е. корню **tenk-* «собираться, сжиматься, становиться густым, твердым» [17, с. 1068]. «Гром» можно истолковать как «то, что вырастает, развивается, становится «густым», значит «гремит» (образовано от презентной основы глагола, что подразумевает активность, процесс). В тексте употребляется, например, в сочетании: Mrk 3:17 CA *sunjus þeihvons* – «сыны грома» [20]. Здесь, по-видимому, под «громом» подразумевается божество.

Слова, входящие в данную подгруппу, оформлены консонантным основообразующим формантом -n и сочетаются с активными глаголами.

Вторая группа включает слова, занимающие промежуточное положение, т. е. относящиеся в готском к склонению на гласные, но сохранившие консонантные показатели, которые указывают на их активность/одушевленность в прошлом: **lauhmuni (-moni)** «молния», **snaiws** «снег», **winds** «ветер» (3 слова).

Остановимся подробнее на этих словах. Готское **lauhmuni (-moni)** относится к склонению на -jo-женского рода и употребляется в значениях «молния» [21, с. 95; 19, с. 228], «пламя, огонь» [21, с. 95]. Слово **lauhmuni (-moni)** (и.-е. форма *leuk-món-) «молния» имеет следующие соответствия: др.-исл. ljóme, др.-англ. lēoma, др.-сакс. liomo «луч; блеск, сияние» [18, с. 224; 19, с. 228]. Они являются производными от и.-е. корня *leuk- «светить; свет», также как и лат. lūmen (из *leuk-s-men-) «свет», др.-инд. rukmās «золотое украшение», rukmām «золото» [18, с. 224]. Заменой и.-е. слова для «молнии» от того же корня в древнеисландском является форма mjǫllner (название молота Тора) [19, с. 228].

Рассмотрим примеры из Библии, свидетельствующие об активности «молнии»: Luke 10:18 CA «qaf þan du im: gasahv Satanan swe **lauhmunja driusandan** us himina» – «и сказал тогда им: я видел Сатану падающего с неба подобно молнии»; Luke 17:24 «swaswe raihtis **lauhmoni lauhatjandei** us þamma uf himina in þata uf himina **skeinip**, swa wairþip sunus mans in daga seinamma» – «так ибо молния, сверкающая от одной части (края) неба, светит в другой части (края) неба, так что будет сын человеческий в день свой» [20].

Гот. **snaiws** «снег» имеет соответствия в древних германских языках: др.-англ. snāw, др.-в.-нем. snēo, ср.-н.-нем. snē, др.-фриз. snē, др.-сакс. snēo, др.-исл. snœg, snjár, snjög «снег» [19, с. 316;]. Эти слова восходят к прагерманской форме *snaiwaz [16, с. 841]. Слово имеет многочисленные соответствия в других и.-е. языках, например: греч. νεῖφει, лат. nivit, лит. sniēga «идет снег»; др.-ирл. snigid «капает, идет дождь»; ст.-слав. sněgъ «снег», рус. снег, гом. vifás «снег», лат. nix, др.-ирл. snecht(a)e «снег», валл. puŷ «снег» и т. д. [19, с. 316; 17, с. 974]. Данные соответствия позволяют сделать вывод о том, что гот. **snaiws** «снег» является общиндоевропейским. На основе соответствий восстанавливается и.-е. корень sneigʰ- «снежить, идти (о снеге); сжиматься, слипаться (в ком)»; суц. snigʰh, snoigʰho-s «снег» [17, с. 974; 19, с. 316].

Гот. **snaiws** представляет собой существительное м. р. с основой на -wa-. Эта группа весьма малочисленна в готском языке. Слова этого типа

склоняются как чистые основы на -a-, где -w- сохраняется во всех четырех падежах [22, с. 78]. Слово **snaiws** имеет значение «снег», например: Mrk 9:3 CA «jah wastjos is waurþun glitmunjandeins, **hveitos swe snaiws**» – «и одежды его стали сверкающими, белыми как снег» [20].

По мнению Т. Ю. Казанцевой, готские основообразующие форманты -jo и -wa являются сложными и самостоятельными [23, с. 26–27, 29], а не просто вариантами гласных основ -ō и -a, как принято считать в литературе [22, с. 76, 79; 24, с. 150, 174]. Консонантные показатели сложных основообразующих формантов -j- и -w- более древние и первоначально имели значение одушевленности, как и другие консонантные показатели. Гласные элементы -ō и -a наслоились позднее и показывают уже более поздние родовые отношения [23, с. 23]. Т. Ю. Казанцева провела подробный анализ готских сложных основообразующих формантов. Большинство слов, имеющих эти форманты, обозначают одушевленные денотаты в прямом смысле либо одушевленные/активные в понятии древних [25, с. 19–24]. С изменением отношения к окружающему миру эти показатели перестали выражать значение одушевленности/активности, слова перешли в гласное склонение, и значение -j и -w стало затемненным.

В готском слово **winds** относится к склонению на -a- мужского рода и имеет значение «ветер» [21, с. 168; 19, с. 404]. Это слово восходит к и.-е. причастию наст. вр. *dēnt- «дующий» от и.-е. корня de- «дуть» (др.-инд. vāti «дует», авест. vāiti, греч. ἄησι «дует», гот. waian «дует», др.-в.-нем. wāen, нем. wehen, ст.-слав. vějati «вевать») [21, с. 168; 17, с. 82]. Таким образом, гот. **winds** первоначально имело значение «дующий», т. е. это бывшая причастная форма, склонялось оно как причастия на -nt/-nd, которые Брауне относит к консонантным склонениям [26, с. 65]. «Ветер», «буря» играли важнейшую роль у древних индоевропейцев. В праиндоевропейском они представлялись в виде обожествленного начала. Не случайно во многих языках основа оформлена суффиксом *-nt^[h], который является маркером имен активного класса [8, с. 677].

Гот. **winds** «ветер» принадлежало когда-то к активному/одушевленному классу, «ветер» обожествлялся и персонифицировался древним человеком. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что оно образовано от презентной основы глагола с помощью основообразующего суффикса -nt, который, как было отмечено выше, в праиндоевропейском был маркером активного класса. Во-вторых, анализ готских примеров показывает, что оно согласуется с глаголами, выражающими активное действие, которые свойственны живым существам, например: Mrk 4:39 CA «jah urreisands **gasok winda**

jah qap du marein gaslawai, afdumbn! jah **anasilaida sa winds** jah warþ wis mikil) – «и вставая, сделал упрек/порутился на ветер, и сказал морю: “Помолчи”. И успокоился этот ветер, и стал морской штить великий»; Mrk 4:41 СА «...hvas þannu sa sijai, unte jah **winds** jah marei **ufhausjand imma?**» – «...кто есть этот, которому и ветер, и море повинующиеся/служащие ему» [20].

Несмотря на то, что в готском слова, представленные в данной группе, относятся к гласному склонению, этимологический и лексико-семантический анализ свидетельствует о том, что эти явления воспринимались древними индоевропейцами как активные/одушевленные. Это примеры так называемой «скрытой активности». Потеря одушевленной/активной семантики связана с изменением мировоззрения, т. е. люди стали по-другому относиться к окружающему миру и явлениям природы в частности.

Третью группу представляют слова, которые содержат только гласные основообразующие форманты. Мы рассмотрели два существительных: *frius* «мороз» и *riġn* «дождь».

Гот. **frius** «мороз» имеет соответствия в разных германских языках: др.-англ. *forst/frost*, др.-исл. *frøt, fræg* «мороз», др.-в.-нем. *frost*, др.-сакс. *frost*, др.-исл. *frost*, др.-фриз. *frost, forst* «мороз». Общегерманская форма этих слов (кроме готского **frius*) – **frus-taz-az*. Все они образованы от **frus-*, т. е. слабой ступени общегерманского глагола **frēusan* «морозить» с добавлением абстрактного суффикса *-t-* [16, с. 379; 18, с. 125]. В этих существительных основа соответствует глагольной основе причастия прошедшего времени, к которой еще добавляется дентальный суффикс, придающий слову значение инактивности [9, с. 175].

В индоевропейских языках имеются родственные слова: др.-инд. *ṛṣivā* «иней, замерзшая вода, капля»; лат. *ṛiŭna* «иней, мороз» (**ṛusūnā*); *plōsati* «горит, обжигает»; алб. *ṛiŭsh* «горящий уголь; зной, жара, пекло»; лат. *ṛiŭna* «раскаленный уголь». Из соответствий восстанавливается общеиндоевропейский корень **ṛeus-* «замерзать» или «гореть», т. е. «ощущение/чувство», вызывающее «покалывание» [18, с. 125; 17, с. 846].

Мы видим, что гот. **frius* произошло от индоевропейского корня **ṛeus-*, имеющего противоположные значения «замерзать» и «гореть». Значения «замерзать» и «гореть» близки по тем ощущениям, которые они производят на человека. Этим объясняется тот факт, что в некоторых диалектах слова с этим корнем обозначают «жару», а в других – «холод». У первобытного человека преобладало зрительное и чувственное восприятие. Само ощущение, возбуждаемое стужею в теле человека, близко к тому, какое производится ожогом, что и

отразилось в языке: мороз «жжет» и «палит» [3, с. 297]. Скорее всего, первоначальным общим значением было «жгучий» (но не о жаре, а о холоде).

Готская форма **frius* «мороз» наиболее близка к общегерманскому состоянию. В готском языке существительное **frius* относится к основам на *-a*, принадлежит к ср. р. и означает «холод, мороз» [19, с. 129]. Оно образовано от глагола **friusan* «морозить» [21, с. 47] и имеет ту же огласовку, что и презентная глагольная основа, которая взята без изменения. По-видимому, этот глагол выражал активность, поскольку подразумевает воздействие на что-либо или кого-либо. Соответственно, и существительное передавало активность. Не случайно, Зима и Мороз представляются очень часто мифическим кузнецом, который сковывает все железными цепями. Мы до сих пор выражаемся, что «зима сковывает и оцепеняет природу», т. е. налагает на нее железные цепи [3, с. 296–297]. В других германских языках слова со значением «мороз», как уже было упомянуто выше, образованы от причастия прошедшего времени, выражающего инактивность. По всей вероятности, в этих языках «мороз» уже представлялся как инактивное явление, передающее состояние.

В готском **riġn** – существительное ср. р. с основой на *-a*, имеющее значение «дождь» [19, с. 284]. В других германских языках родственными гот. *riġn* «дождь» являются: крым. гот. *reghen*, др.-англ. *regn*, др.-фриз. *reïn*, др.-сакс. *regan, regin*, др.-в.-нем. *regan, regin, regen*, др.-исл. *riġna*, др.-англ. *riġnan*, др.-фриз. *reinia*, др.-в.-нем. *reganōn* «идти (о дожде), дождить» [17, с. 857; 16, с. 734]. Все эти слова восходят к прагерм. форме **rezn-*. Слово *riġn* «дождь» представляет собой общегерманское образование от индоевропейской основы **reg-/*rek-* «мочить, орошать; сырой, влажный; дождь» [17, с. 857; 19, с. 284].

Гот. *riġn* «дождь» соответствует презентной основе готского глагола **riġnjan* «идти, литься (о дожде), дождить» [19, с. 284], который имеет активную семантику, т. е. выражает процесс. Это обстоятельство имеет очень большое значение, поскольку свидетельствует о том, что данное слово соотносилось с активным денотатом.

Источником дождя в древнеиндоевропейских представлениях являлось какое-то активное начало – божество. С точки зрения современного человека такой «безличный» глагол, как греч. *ὕει* «дождь идет», означает, что «дождь падает», но древнее значение было другое: так как каждое явление природы считалось результатом какого-то существа, подобного живому существу, то *ὕει* означало «божество, дух дождит»; и действительно, у Гомера нет формы *ὕει*, но дважды встречается выражение: *ὕει δ' ἄρα Ζεὺς* «а Зевс дождал». По-латы-

ни говорили *Ioue tonante* «когда Юпитер гремит» и т. д. Еще характернее ведийское выражение *vāto vāti* «ветер веет» [4, с. 256]. В дальнейшем такая активная конструкция трансформируется в безличную и приобретает в греческом значении «идет дождь, дождит» [8, с. 679–680].

Несмотря на то, что слова, входящие в эту группу, относятся к гласному склонению, этимологический анализ позволяет предположить, что эти явления, также как и все остальные метеорологические явления, относились к одушевленному классу.

В результате исследования можно сделать следующие выводы: черты языков активной типологии в значительной мере можно наблюдать в готском языке. В именной морфологии еще сохраняются остаточные явления выражения одушевленности/неодушевленности посредством специальных консонантных маркеров для одушевленных

имен. Несмотря на то, что многие слова, обозначающие метеорологические явления, перешли в гласное склонение в готском языке, следы бывшей активности/одушевленности этих слов обнаруживаются при их этимологическом и морфологическом анализе. Более того, одушевленность рассмотренных явлений проявляется в лексико-семантической сочетаемости с глаголами, обозначающими активное действие, которые используются для описания движений и действий, совершаемых одушевленными денотатами. На основе проведенного комплексного исследования: этимологического, морфологического, а также анализа лексико-семантической сочетаемости существительных с глаголом можно констатировать, что слова, обозначающие метеорологические явления, принадлежали в прошлом к активному/одушевленному классу, подтверждением чему служат данные готского языка.

Список литературы

1. Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Изд-во «Либроком», 2009. 320 с.
2. Филимонова Т. Д. Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 130–145.
3. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Том 1. М.: Современный писатель, 1995. URL: <http://slavya.ru/trad/afan/1.htm> (дата обращения: 16.01.2011).
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. 510 с.
5. Тронский И. М. Общиндоевропейское языковое состояние. Л.: Наука, 1967. 103 с.
6. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 1984. 350 с.
7. Топорова И. Н. Система именных классов в языке лингала // Вопросы африканской филологии. М.: Наука, 1974. С. 15–35.
8. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 855 с.
9. Осипова О. А. Типология древнегерманских именных склонений в свете индоевропейских и уральских языков. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. 312 с.
10. Осипова О. А. Основы для интерпретации древних индоевропейских именных склонений // Вест. Томск. гос. ун-та. 2006. № 4 (55). С. 12–17.
11. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М.: Ин. лит-ра, 1953. 337 с.
12. Specht F. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen: Vdenhock and Ruprecht, 1947. 423 S.
13. Diesner H.-J. The Great Migration / Translated from the German by C. S. Salt, B. A. Hons. Great Britain, Leipzig, 1978. 255 p.
14. Halphen L. Germanic Society of the Early Sixth Century // The Barbarian Invasion: Catalyst of a New Order / Edited by Katherine Fischer Drew. N. Y., 1970. P. 27–41.
15. Owen F. The Germanic People: Their Origin, Expansion and Culture. New Haven, 1966. 317 p.
16. Onions C. T. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1996. 1025 p.
17. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Berlin, München, 1951–1969. Lief. 1–18. 1183 S.
18. Feist S. Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle, 1920. 448 S.
19. Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d edition of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden – E. J. Brill, 1986. 413 p.
20. Uhlenbeck C. C. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Amsterdam, 1896. 173 S.
21. The Gothic Bible / Based on the edition of Wilhelm Streitberg (1919). URL: <http://www.wulfila.be> (дата обращения: 15. 04. 2010).
22. Казанцева Т. Ю. Сопоставительный анализ именных основ готского языка с консонантными формантами // Вест. Томск. гос. ун-та. 2006. № 9 (60). С. 25–30.
23. Гухман М. М. Готский язык: учеб. пос. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 296 с.
24. Сравнительная грамматика германских языков / отв. ред. М. М. Гухман и др. М.: Наука, 1963. Т. 3. 455 с.

25. Казанцева Т. Ю. Об основных группах готских существительных со сложными основообразующими формантами и их параллелях в индоевропейских языках // Вест. Томск. гос. ун-та. 2006. № 4 (55). С. 17–25.
26. Braune W. Helm K. Gotische Grammatik. Halle, 1952. 192 S.

Сильченко А. И., аспирант, преподаватель.
Томский политехнический университет.
Пр. Ленина 30, Томск, Россия, 634050.
E-mail: ankasai@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2011.

A. I. Silchenko

NOUNS DENOTING METEOROLOGICAL PHENOMENA IN GOTHIC AND THEIR COLOURING WITH STEM-BUILDING FORMANTS

The words denoting meteorological phenomena are analysed in the paper. Some words are marked by consonantal stem-building suffixes which indicated active/animate nouns in Proto-Indo-European. A lot of these words belong to a vowel declension in Gothic that is connected with the change of the attitude to the world and the loss of an animate meaning. Despite this, etymological, morphological and lexico-semantic analysis proves that the words of this lexico-semantic group related to the active class in the past and meteorological/ atmospheric phenomena were accepted as animate by ancient Indo-Europeans.

Key words: *Meteorological phenomena, stem-building suffixes, lexico-semantic combinatory, activity/animate-ness, ancient Germans.*

Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: ankasai@rambler.ru